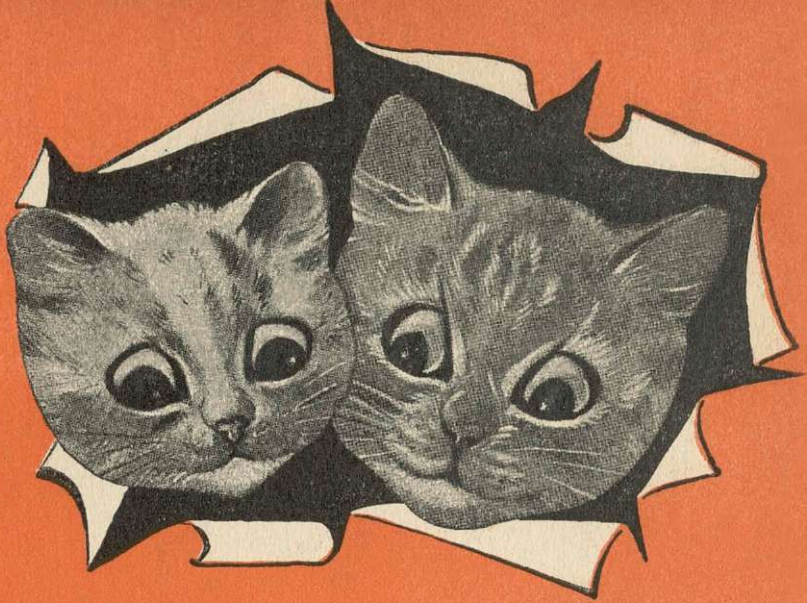

№ 3

ДЕКАБРЬ

1907.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДОРОГОЮ ЦѢНОЙ
ЛѢТНИ ВЕЧЕРЪ
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
ИГРА ВЪ САЛКИ (съ нотами)
ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА
РАЗСКАЗИКИ
ЧЕГО ЕЩЕ ЖЕЛАТЬ
КАКЪ ДѢЛАТЬ БИСКВИТЪ
ЗАГАДКИ, РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Старосвѣтская мебель для склеиванія.

Выкройка наряднаго платья для дѣвочки отъ 6 до 8 лѣтъ.

«Въ дѣтской» — статьи для родителей по уходу за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Помошникъ машиниста спрыгнулъ съ локомотива и подбѣжалъ къ собакѣ.

ДОРОГОЮ ЦѢНОЙ.

— Отчего вы не слушаете меня, Семеновъ? Я уже въ третій разъ обращаюсь къ вамъ, а вы не отвѣчаете!

Такъ обратился къ своему помощнику машинистъ на локомотивѣ, стоявшемъ недалеко отъ станціи около паровознаго депо.

Помощникъ указаль ему на желѣзнодорожную линію.

— Видите, отвѣтилъ онъ, — вотъ ту пеструю собаку? Она все бѣгаетъ по рельсамъ и словно чего-то ищетъ. Я уже пять минутъ наблюдаю за ней. Навѣрное, она отбилась отъ хозяина и никакъ не можетъ его отыскать. Я спрыгну сейчасъ съ локомотива и возьму ее сюда, а то она попадетъ подъ поѣздъ и погибнетъ!

— Не рискуйте этимъ! сказалъ ему машинистъ. — Пока изловите собаку, сами попадете подъ поѣздъ! Сейчасъ долженъ промчатся курьерскій!

— Ничего, успѣю!

И помощникъ спрыгнулъ съ локомотива и побѣжалъ по рельсамъ къ собакѣ. Она испугалась его и перескочила на другія рельсы. Онъ поманилъ ее къ себѣ, но она не поняла его и, полная страха передъ шипящими локомотивами, перепрыгнула именно на ту пару рельсъ, по которой долженъ былъ пройти курьерскій поѣздъ. Вотъ уже онъ идетъ,

вотъ ужъ слышно шипѣніе его локомотива и громъ его колесъ. Вотъ онъ все ближе и ближе и сію минуту проѣдетъ черезъ растерявшуюся собаку и задавитъ ее на смерть.

— Да иди-же сюда! крикнулъ ей помощникъ машиниста. — Вѣдь я хочу тебя спасти!

И онъ бросился къ ней и быстро схватилъ ее за голову. Но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ сдѣлалъ это, неумолимый курьерскій поѣздъ налетѣлъ на него, ударилъ его въ плечо, отрѣзалъ ему ногу и промчался далѣе.

Собака спасена, но какою цѣной!

Бѣдный помощникъ машиниста лежалъ на рельсахъ, обливаясь кровью, оставшись калѣжкой навѣки.

Пришли кондуктора съ носилками, положили его на нихъ и понесли въ желѣзнодорожную больницу.

— Пошла прочь! крикнулъ одинъ изъ нихъ на собаку, которая поняла, въ чемъ дѣло, и неотступно слѣдовала за носилками. Слезы струились у нея изъ глазъ и она жалобно скулила.

— Не тронь ее! сказалъ другой кондукторъ. — Развѣ не видишь? Она теперь отъ него никогда не отстанетъ! Теперь уже она будетъ ему благодарна навсегда!

Помощника машиниста положили въ больницу, сдѣлали ему перевязку

и цѣлые сорокъ дней онъ пролежалъ въ ней недвижимо. И все время собака сидѣла у двери въ его палату и, тяжело вздыхала. Ее отгоняли, били, не давали ей ѣсть, но она переносила все это съ терпѣніемъ и покорностью, и несмотря ни на что продолжала сидѣть у двери. Эта привязанность ея къ больному тронула наконецъ людей и, увидѣвъ ее, старшій докторъ сказалъ:

— Не гоните ее! Скоро ея хозяинъ поправится и выздоровѣетъ. Лучше дайте ей поѣсть!

И нужно было только видѣть, съ какой радостью она встрѣтила помощника машиниста, когда онъ вышелъ наконецъ на костыляхъ изъ больницы. Она бросилась къ нему на грудь, старалась лизнуть его въ самыя губы, визжала отъ радости такъ, что на нее даже пришлось прикрикнуть, и прыгала такъ, что свалила стулъ.

Теперь ея хозяинъ былъ калѣкой.

Куда идти? Чѣмъ теперь заработать себѣ хлѣбъ?

Но онъ былъ хорошій служака и ему дали мѣсто сторожа въ лѣсу, тамъ, гдѣ проѣзжая дорога выходитъ изъ лѣса и пересѣкаетъ полотно желѣзной дороги. Онъ долженъ былъ жить въ избушкѣ одинъ и всякій

разъ днемъ и ночью, передъ приходомъ поѣзда, опускать шлагбаумъ.

Скрѣпя сердце, съ котомкой за плечами и съ деревянной ногой, полпелся онъ къ мѣсту своего служенія.

Собака послѣдовала за нимъ.

— Ну, чего идешь? обратился онъ къ ней.—Иди прочь!

Но она повиляла ему хвостомъ и опять покорно пошла за нимъ.

Ему стало жалко ея, онъ подзвалъ ее къ себѣ, погладилъ ее, вспомнилъ о своей ногѣ и заплакалъ.

Она тоже заплакала и заскулила.

— Сироты мы съ тобой, сказалъ онъ ей и вздохнулъ.—Ну, что-же, дѣлать нечего, пойдѣмъ вмѣстѣ. Видно такова ужъ наша судьба!

И они отправились вмѣстѣ.

Они поселились въ одинокой избушкѣ въ лѣсу и съ тѣхъ поръ уже не разставались никогда. Она его стерегла, будила среди ночи, когда долженъ былъ пройти мимо поѣздъ, и бѣгала для него на почту за письмами и газетами. Часто онъ поручалъ ей отнести письмо на почту. И она осторожно брала письмо въ зубы и бѣжала съ нимъ черезъ поля и луга въ большое село въ почтовую контору.

И не было друзей болѣе близкихъ, чѣмъ они.

С.

Скороговорки: 1. Купи кипу пикъ по публикаціи. 2. Ъдетъ папенька съ покупками, всѣмъ везетъ по покупкѣ.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Лишь только вечеромъ мы сядемъ на ступени,
 И свѣжестью въ лицо изъ сада въ насъ пахнетъ,
 Какъ соловей въ большомъ кустѣ сирени
 Вдругъ пѣть начнетъ и до зари поетъ.
 И тамъ, за рѣчкою, гдѣ все какъ-будто тонетъ
 Въ туманѣ вечера—и лѣсъ, и темныя поля,
 Вдругъ крикнетъ перепелъ, куликъ застонетъ
 И мѣрный вдругъ раздастся крикъ коростеля.
 И темный садъ молчитъ, внимая звукамъ ночи,
 Отъ счастья не смѣя вѣткой шевельнуть,
 А мы сидимъ, сидимъ,—и, кажется, нѣтъ мочи
 Подняться и уйти и до зари уснуть.
 А въ дѣтской, у стѣны, за ширмочкой, въ кроваткѣ,
 Спитъ мальчикъ лѣтъ семи, не болѣе того,
 И крѣпокъ сонъ его и сновидѣнья сладки
 И то, что видитъ онъ,—прекраснѣе всего.

Кузнецикъ.

ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

I.

Въ довольно просторной, очень просто, но со вкусомъ убранной комнатѣ, чистой и свѣтлой, на самомъ верхнемъ этажѣ, почти подъ самымъ небомъ, сидѣла у окна молодая женщина и шила. Она была красива, но печальна; ея скромная одежда работницы нисколько не вредила ея благородной наружности.

Посреди комнаты, у покрытаго скатертью стола, стояла Маргарита, дѣвочка, 11 лѣтъ, въ черномъ передникѣ и оканчивала укладку въ картонный ящикъ тетрадей и книгъ. Свѣженькое

личико этой дѣвочки говорило о хорошемъ здоровьѣ и веселомъ настроеніи духа. Окончивъ эту работу, Маргарита приблизилась къ окошку, поглядѣла на блѣдное сумрачное небо и тихонько, не мѣшая своей матери заниматься дѣломъ, обняла ее со всѣмъ пыломъ любящей дочери. А затѣмъ она вновь сѣла на свое мѣсто.

— Послушай мама, обратилась она къ матери и быстрымъ, полнымъ граціи, движеніемъ нагнулась надъ столомъ и забарабанила по нему пальцами, точно по клавишамъ піанино.—

Слышишь, какъ я хорошо играю? Это тебѣ не скучныя гаммы, а веселая музыка! Чего тебѣ сыграть?

И быстро двигая пальцами по воображаемой клавиатурѣ, она стала пріятнымъ голоскомъ подпѣвать.

Мать глубоко вздохнула, вспомнивъ о прошедшемъ, которое такъ не походило на это печальное настоящее, а затѣмъ улыбнулась и не стала ей мѣшать.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ домѣ Анны Павловны царило если и не богатство, то во всякомъ случаѣ полное благополучіе. Но несчастіе и разореніе ворвались къ ней въ домъ: въ короткій срокъ бѣдная женщина потеряла и мужа и все свое состояніе. Маргаритѣ было въ то время девять лѣтъ.

Продавши свои драгоценности, и обстановку, Анна Павловна переселилась вмѣстѣ съ дочерью въ большой городъ и наняла тамъ очень скромную квартирку въ рабочемъ кварталѣ, гдѣ ей можно было-бы легче скрыть свою нищету и жить подешевле. И для того, чтобы поддерживать свое существованіе, бѣдная вдова не имѣла ничего, кромѣ иголки и желанія трудиться. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, она отыскала работу, которая стала отнимать у нея весь ея день. Кое-какъ перебивались. Но несчастную мать приводило въ ужасъ, что съ нею можетъ приключиться что-нибудь непредвидѣнное, вродѣ безработицы или болѣзни, которыя ввергнутъ ее и ея

дочь еще въ большую нищету. И поэтому она работала по цѣлымъ днямъ и часто даже по ночамъ, въ надеждѣ скопить что-нибудь на черный день, чтобы бодрѣ смотрѣть въ будущее.

Когда-же наступила ночь послѣ этихъ зимнихъ сумерекъ, Анна Павловна сложила свою работу, чтобы начать готовить ужинъ, а Маргарита, закончивши сильнымъ аккордомъ свою музыку, стала ей помогать.

— Милая мамочка!—воскликнула она, схвативъ ее за руки,—ты должно быть очень устала! Вѣдь ты за сегодня нашла всю эту кучу дѣтскихъ кофточекъ!

— Къ сожалѣнію, дитя мое, отвѣтила ей мать, за всю эту кучу дадутъ очень мало денегъ.

— А если-бы, мамочка, у тебя была швейная машина, то ты заработала-бы больше?

— Почти вдвое. Но развѣ ты не знаешь, сколько нужно денегъ на швейную машину? Я обязательно куплю ее, какъ только накоплю достаточно.

— Ты и меня научишь на ней шить? Вѣдь это, должно быть, не такъ трудно, какъ играть на фортепіано, а ты помнишь, какъ я играла тогда... прежде... когда папа былъ еще живъ. Я буду тебѣ помогать. Это будетъ веселѣе, чѣмъ барабанить пальцами по столу.

— Ты добрая дѣвочка, ты единственное мое утѣшеніе, и если-бы ты знала, какъ тяжело мнѣ, что ты остаешься безъ ученія.

— Ты добрая дѣвочка, ты единственное мое утѣшеніе.

— Но вѣдь я же учусь въ приходской школѣ! И учусь не хуже, чѣмъ тогда въ институтѣ. А буду-ли я, когда вырасту, простой работницей или барышней,—это все равно, потому что я буду всегда крѣпко тебя любить. Ты меня тоже будешь любить и мы будемъ счастливы. А потомъ, въ послѣдствіи, когда мы купимъ швейную машину и когда и я заработаю вмѣстѣ съ тобой, у насъ будетъ много-много денегъ. Быть можетъ, мы купимъ тогда и пианино,—не новое, подержанное,—и я тебѣ буду играть то, что не забыла. А что забуду—разучу вновь. Что ты объ этомъ думаешь?

Вмѣсто отвѣта мать покрыла пощелюями милое личико своей дочери и крѣпко прижала ее къ груди.

Затѣмъ они поужинали и мать уже при лампѣ продолжала свою работу.

А потомъ потянулись дни за днями, всѣ похожіе между собою, полные тяжкаго труда. Передъ уходомъ въ

школу Маргарита всякій разъ убирала комнаты, а затѣмъ шла на базаръ за провизіей, или же относила къ заказчикамъ работу своей матери. Не переставая ни на минуту, Анна Павловна стегала своей иглой и изъ-подъ ея рукъ выходили тѣ костюмчики, въ которые наряжались потомъ дѣти состоятельныхъ людей. А какъ недалеко было то время, когда она точно такъ-же обшивала и свою дочь! Развѣ могла она воображать тогда, что ея умѣнье шить будетъ въ послѣдствіи единственной ея надеждой!

Все увеличивающійся трудъ, печаль по мужѣ и неизвѣстность будущаго стали подрывать здоровье Анны Павловны. Маргарита, догадливая не по лѣтамъ, забеспокоилась при видѣ блѣдности и худобы своей матери,

Она шла на базаръ за провизіей.

начавшей терять свои силы. И ей было досадно, что она еще почти дитя и что она не может помочь той, которую такъ любитъ.

— Что бы такое придумать, чтобы заработать деньги?—часто задавала она себѣ вопросъ. — У меня много времени, но чѣмъ - бы заняться? Мама находить, что я очень хорошо подрубяю и я могла-бы ей въ этомъ помочь, только жаль, что нечего подрублять!

И какъ она ни ломала голову, она не могла этого рѣшить.

II.

Какъ-то послѣ обѣда, въ одинъ изъ четверговъ, выполнивъ одно изъ порученій, дѣвочка возвращалась домой. Не останавливаясь ни на минуту, такъ какъ идти было далеко, и помня наставленія своей матери, она шла своей дорогой, не глядя по сторонамъ, гдѣ въ окошкахъ виднѣлись игрушки, картины, драгоценности и цвѣты. Все это ее очень соблазняло, но она сдерживала себя. Однако нѣкоторыя выставки въ магазинахъ такъ привлекали ея вниманіе, что она не имѣла силъ устоять: это были швейныя машины. Она останавливалась передъ ними, мысленно выбирала себѣ одну изъ нихъ, а потомъ, продолжая свой путь, старалась высчитать, сколько ей понадобится бы мѣсяцевъ, чтобы заработать достаточно денегъ на покупку машины. И въ этотъ день она такъ занялась этими вычислениями, что и не видѣла ничего

передъ собой. И вдругъ она почувствовала, что попала прямо подъ ноги какому-то пожилому господину. Ударъ былъ настолько силенъ, настолько неожиданъ, что дѣвочка упала и уронила свой узелъ съ клубками нитокъ, которые разсыпались по тротуару по всѣмъ направленіямъ.

— Простите, пожалуйста, господинъ, сказала Маргарита, вся покраснѣвъ и не смѣя поднять глаза на

— Я подберу вамъ всѣ клубки, дитя мое.

старичка, которому было еще болѣе неловко, чѣмъ ей самой.

Старичекъ этотъ былъ высокаго роста, держалъ себя прямо, не смотря на свой пожилой возрастъ, и былъ одѣтъ въ длинное пальто, изъ кармановъ котораго торчали свертки нитъ.

Маргарита нагнулась, чтобы подобрать свои клубки, но старикъ, еще болѣе быстрый, чѣмъ она, нагнулся самъ и сразу поднялъ съ земли шесть клубковъ.

— Я, я подберу вамъ всѣ клубки, дитя мое... началъ онъ, протянувъ къ ней лѣвую свободную руку.— Не ушибъ-ли я васъ? Ну, простительно-ли мнѣ, старику, быть такимъ ротозѣемъ, что налетѣлъ на дѣвочку и сшибъ ее съ ногъ!

— Это я налетѣла на васъ... залепетала Маргарита и покраснѣла еще болѣе, хотя ей хотѣлось смѣяться. Такъ забавень казался ей этотъ случай.

Господинъ потеръ себѣ ладонью лобъ, точно старался что-то припомнить.

— А скажите-ка, милая дѣвочка,— продолжалъ онъ,— какъ васъ зовутъ?

— Маргаритой, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, такъ я и зналъ! Какъ она похожа на свою мать! Ахъ, милая Маргарита, какая это удивительная встрѣча!

И онъ протянулъ къ ней руки. Она бросилась къ старику.

— Алексѣй Петровичъ! воскликнула она.— Какъ я рада васъ видѣть!

— Неужели узнала? отвѣтилъ старикъ.— Гдѣ же твоя мама? Неужели здѣсь? Веди меня скорѣе къ ней! Я такъ хотѣлъ-бы съ ней повидаться!

Старикъ взялъ дѣвочку за руку, они пошли и разговорились.

— Боже мой! говорилъ Алексѣй Петровичъ дѣвочкѣ, которая смѣнила сбоку его по тротуару,— сколько разъ я вспоминалъ о прошедшемъ, о томъ времени, когда еще давалъ уроки музыки твоей мамѣ, а погомъ и тебѣ, моя милая дѣвочка. Вспоминали-ли вы обо мнѣ?

— Я никогда не забывала о васъ, отвѣчала дѣвочка.— Когда вы бывали тогда у насъ, мы были такъ счастливы!

— Да, счастливы. Но увѣ! съ тѣхъ поръ столько было горя, столько перенесено несчастій! Ну, расскажи-же мнѣ о твоей мамѣ! Что она? Здорова? Похудѣла?

Маргарита стала рассказывать ему и незамѣтно они дошли до дома. Дѣвочка стала подниматься на шестой этажъ впереди, а старикъ слѣдовалъ за ней и тяжело дышалъ.

Это былъ старый профессоръ музыки, который когда-то, въ лучшіе дни, жилъ въ томъ-же городѣ, гдѣ и семья Маргариты, и давалъ уроки. Тогда онъ былъ бѣденъ, перебивался кое-какъ, а теперь разбогатѣлъ и былъ извѣстенъ всему городу. И когда онъ былъ бѣденъ, отецъ Маргариты помогалъ ему и старикъ этого не забывалъ никогда.

И теперь, когда онъ увидалъ несчастную вдову, онъ сразу-же понялъ то, чего нельзя было рассказать словами: что сердце матери разрывалось на части отъ того, что ея дочь должна была остаться безъ образованія.

Его жизнь въ свое время тоже была такъ-же тяжела и научила его понимать страданія другихъ. Онъ работалъ, добивался; онъ такъ-же видѣлъ, какъ умирали дорогія для него существа, какъ и бѣдная мать Маргариты. Но судьба притупила объ него свои удары и подъ конецъ сжалась надъ нимъ. Онъ выбрался на

Томка боленгъ, Бѣдный Томка!

дорогу, сталъ знаменитымъ профессоромъ музыки и разбогатѣлъ.

Тронутый несчастіемъ молодой женщины, когда-то богатой, счастливой, окруженной знакомыми, онъ сталъ придумывать, какимъ-бы образомъ ей помочь. Но его артистическая душа понимала, что нельзя-же было предложить ей денегъ тотчасъ-же, такъ какъ бѣдная женщина была горда, и нужно было уважать въ ней эту ея гордость. И онъ рѣшилъ прежде всего начать съ Маргариты: онъ предложилъ давать ей уроки музыки; каждый день, послѣ школы, она должна была приходиться къ нему и учиться у него играть на фортепiano.

— Какое счастье, мамочка! воскликнула дѣвочка, когда ушелъ отъ нихъ старичокъ. — Я опять буду играть этюды, а это такъ весело! Ты увидишь, какіе я сдѣлаю успѣхи! А что если и я со временемъ сдѣлаюсь артисткой! Тогда тебѣ не придется уже такъ работать, — буду работать я за тебя. Мы разбогатѣемъ. Не бойся, милая мамочка, счастье не за горами!

И, вѣрная своему обѣщанію, Маргарита стала заниматься музыкой съ увлеченіемъ. Старый профессоръ не могъ нахвалиться своей ученицей. И подъ предлогомъ награды за ея успѣхи онъ дарилъ ей разныя вещи, въ которыхъ нуждалась и ея мать.

— Эта дѣвчурка страшно талантлива, часто говорилъ онъ самъ себѣ. — Что если-бы она имѣла возможность

заниматься хотя-бы только по два часа въ день! Но для этого ей необходимо пианино, а его-то у нея и нѣтъ! Куда ужъ тутъ до пианино, когда нечего ѣсть!

И онъ иногда поговаривалъ объ этомъ вслухъ, въ присутствіи своей ученицы.

— Послушай, разъ обратился онъ къ ней съ таинственнымъ видомъ и полный радости о томъ сюрпризѣ, который самъ-же ей готовилъ. — Въ этомъ мѣсяцѣ день твоего рожденія. Я хотѣлъ бы, чтобы у тебя въ этотъ день былъ настоящій праздникъ. Я подарю тебѣ кое-что, чего ты очень желаешь и что доставитъ тебѣ большое удовольствіе. Я тебѣ ни за что не скажу, что это такое, и ты не догадаешься и сама!

Маргарита долго думала объ этихъ его словахъ. Что она получила? Она никакъ не могла догадаться. Больше всего она желала двухъ вещей: швейной машины, въ которой такъ нуждалась ея мать и... пианино! Но развѣ этого можно ожидать? Швейная машина и пианино стоили такъ дорого! А ея старый другъ ужъ и безъ того столько разъ помогалъ ей... А потомъ — развѣ можно, развѣ честно разсчитывать на дорогіе подарки?

— Должно быть, это будетъ какая-нибудь книга въ красивомъ переплетѣ, думала она. — Алексѣй Петровичъ часто беспокоится, что я мало читаю, и знаетъ, что у мамы на книги нѣтъ средствъ. «Ты мало учишься», говоритъ онъ мнѣ, — «мало

знаешь... Надо больше читать...» А что я буду читать?

Но старикъ-профессоръ какъ-то проговорился и самъ.

— Хорошо! сказалъ онъ разъ.— Отлично играешь! Но у тебя будутъ эти мѣста выходить еще лучше, когда ты будешь проходить ихъ у себя дома, на своемъ собственномъ пианино!

— У себя дома? воскликнула Маргарита.— На своемъ собственномъ пианино? Да развѣ это возможно?

Она уже такъ долго мечтала объ этомъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ, что не смѣла даже и вѣрить въ такое счастье.

Но эта ея радость все-таки не мѣшала ей замѣчать, что блѣдность ея матери становилась все замѣтнѣе, и замѣтнѣе и что силы ея съ каждымъ днемъ начинали слабѣть. И это надрывало ей сердце.

III.

Однажды вечеромъ Маргарита запоздала къ профессору. Она должна была придти къ нему прямо изъ школы, но пошла домой, такъ какъ мать ея заболѣла и слегла въ постель.

— Простите, Алексѣй Петровичъ, обратилась она къ своему учителю и покраснѣла,—но если возможно, пусть нынѣшній урокъ будетъ покороче. Мама больна, лежитъ, не можетъ подняться и я должна поскорѣе вернуться къ ней.

Лицо старика опечалилось. Онъ этого ожидалъ. Нельзя было работать сверхъ силъ.

— Въ такомъ случаѣ иди домой, сказалъ онъ.— Навѣрное, завтра твоей мамѣ будетъ лучше, тогда придешь ко мнѣ часомъ раньше. А сейчасъ мнѣ некогда. Я спѣшу. Да скажи своей матери, что нельзя такъ много работать, что и силамъ человѣческимъ есть предѣлы.

Маргарита вздохнула.

— У нея уже и такъ нѣтъ работы... проговорила она.— Вотъ уже

Мать ея заболѣла и слегла въ постель.

четвертый день, какъ мы сидимъ безъ заказовъ.

Профессоръ кашлянулъ, чтобы замаять намернувшіяся слезы.

— Ахъ, вы бѣдняки! сказалъ онъ.— Ну, что мнѣ съ вами дѣлать!

А потомъ онъ взялъ дѣвочку за руки.

— Передай также своей мамѣ, продолжалъ онъ,—что вотъ эти твои ручки со временемъ будутъ много зарабатывать! Нужно только поучиться хорошенько, а поучиться скоро будетъ на чемъ. Стоитъ только дожидаться твоего дня рожденія!

Маргарита догадалась.

Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, ея губы задрожали, она хотѣла заговорить и не могла.

— Ну, что? обратился къ ней профессоръ.—Теперь поняла?

Маргарита собралась наконецъ съ силами.

— Алексѣй Петровичъ, начала она и голосъ ея задрожалъ.—Теперь я знаю, что вы хотите мнѣ подарить въ день рожденія. Это... пианино!

— Ахъ, ты догадливая дѣвица!—воскликнулъ профессоръ.—Ну, пианино, такъ пианино!..

Но Маргарита уже не радовалась предстоящему подарку.

— Алексѣй Петровичъ, обратилась она къ старику и слезы потекли у нея по щекамъ.—Хотите сдѣлать меня счастливой? Хотите доставить мнѣ удовольствіе?

— Ну, конечно! отвѣтилъ профессоръ.—Говори, что такое? Только скорѣе, а то я спѣшу!

Маргарита не могла говорить отъ слезъ.

— Простите меня... залепетала она.—Я такая неблагодарная... Но есть вещь, которая... которая доставила-бы мнѣ больше удовольствія, чѣмъ пианино... Подарите мнѣ лучше ее!

Старикъ нахмурился.

— Что-же это за вещь? спросилъ онъ.

Маргарита опустила глаза.

— Швейная машина... едва слышно отвѣтила она.

— Развѣ ты такъ любишь шить? Развѣ шитье для тебя важнѣе, чѣмъ музыка?

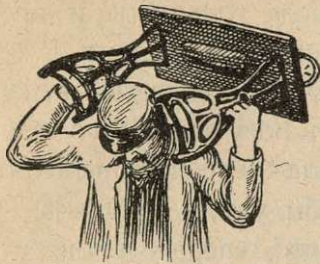
— Ахъ, Алексѣй Петровичъ, милый, хорошій, дорогой! Не обвиняйте меня! Вѣдь это я для мамы. Я не могу видѣть, какъ она устаетъ безъ машины. Если бы у насъ была машина, то мама не уставала-бы такъ сильно и у насъ было-бы много заказовъ. А то никто не желаетъ, чтобы бѣлье было подрублено руками!

Старикъ подумалъ.

— Хорошо! сказалъ онъ.—Пусть вмѣсто пианино будетъ машина! Въ день твоего рожденія у твоей мамы будетъ сюрпризъ: ей принесутъ швейную машину.

— Какъ вы добры! воскликнула Маргарита.—Благодарю васъ отъ всей души! Я никогда не забуду этого вашего подарка и вы увидите, что я всѣми силами постараюсь васъ отблагодарить, когда вырасту большая!

И, не помня себя, она бѣгомъ помчалась домой. Но какую она принесла громадную жертву! Имѣть пианино было ея мечтой, она любила играть со всѣмъ пыломъ своей дѣтской души. Уроки старика-профессора наполняли ей жизнь и она находила въ изученіи этюдовъ то, что могла найти только артистическая душа. И вотъ теперь—вмѣсто пианино—швейная машина! Какъ это скучно! Отказаться отъ подарка, который онъ самъ-же ей предлагалъ, значило для нея отказаться отъ радостей и отъ надеждъ, о которыхъ

Позади его рабочій тащитъ на плечахъ машину.

она такъ мечтала. Жертва была велика, но Маргарита твердо на нее рѣшилась. И борьба была невелика: ея доброе сердце нашло свое счастье въ счастья другого. При одной только мысли о томъ, какое удовольствіе доставитъ машина ея матери и насколько облегчится ея тяжкій трудъ, она испытывала искреннюю радость и нисколько не сожалѣла о своемъ рѣшеніи.

Наступилъ день рожденія, котораго Маргарита такъ нетерпѣливо ожидала. Сейчасъ придетъ Алексѣй Петровичъ. При малѣйшемъ шумѣ на лѣстницѣ она вздрагивала. Но вотъ ужъ слышны и его шаги. Звонитъ звонокъ. Дѣвочка бѣжитъ ему на встрѣчу и открываетъ дверь.

Да, это онъ, ея старый другъ. Позади него рабочій тащитъ на плечахъ ножную машину точь-въ-точь такую, какую видѣла Маргарита на окошкѣ магазина.

Анна Павловна конфузится, благодаритъ старичка. Онъ ихъ единственный знакомый во всемъ городѣ и такъ пріятно, что онъ вспомнилъ о нихъ и пришелъ ихъ поздравить! А тутъ еще машина... Всѣ трое бросаются къ ней, начинаютъ ее оглядывать, пробовать шить и кажется, что въ домѣ стало уютнѣе и веселѣе.

А когда старичекъ уходитъ отъ

нихъ, онѣ начинаютъ говорить о будущемъ, строить планы, мечтать... Теперь у нихъ будутъ заказы, теперь уже мать не будетъ такъ уставать и, — кто знаетъ?—быть можетъ прежнее благополучіе вернется къ нимъ вновь.

Но чу!—опять звонокъ... Кто бы это могъ быть? Маргарита думаетъ, что это вернулся профессоръ и бѣжитъ къ нему на встрѣчу.

Носильщики открываютъ двери настежъ, въ комнату врывается струя холоднаго воздуха и они, кряхтя и сопя, вносятъ какую-то темную массу. Что это такое? Навѣрное они ошиблись этажемъ и не туда попали!

Но одинъ изъ нихъ подаетъ Маргаритѣ карточку, на которой написано нѣсколько строкъ. Она читаетъ ихъ, хочетъ подпрыгнуть отъ радо-

Маргарита прошлась пальцами по клавишамъ.

сти, но слезы ручьями начинаютъ лить у нея изъ глазъ. О, эти слезы счастья! Онѣ гораздо слаще, чѣмъ самое сладкое варенье!

Старикъ-профессоръ извѣщалъ ее, что посылаетъ ей пианино, что будетъ радъ, если она будетъ прилежно и съ умомъ на немъ играть, что швейная машина—это для ея матери, а самое пианино пусть Маргарита возьметъ себѣ.

Носильщики поставили инструментъ между двухъ оконъ и едва только вышли изъ комнаты, едва только за ними была заперта дверь, какъ Мар-

гарита не смогла утерпѣть и прошла пальцами по клавишамъ...

О, какой гимнъ благодарности, какую мольбу къ Богу за добраго чело-вѣка она сыграла-бы сейчасъ на этомъ пианино, если-бы умѣла сочинять!

Но ея будущее теперь у нея въ рукахъ, она сумѣетъ теперь побѣдить жизнь и теперь, съ помощью этого пианино, она докажетъ своему учителю, что и изъ нея выйдетъ со временемъ артистка, достойная своего профессора.

И она стала съ увлеченіемъ играть.

По G. de St.-Gérmain.

ИГРА ВЪ „САЛКИ“.

На просторной площадкѣ стоитъ мальчикъ или дѣвочка съ мячомъ въ рукѣ. Позади нихъ стоитъ другой играющій и закрываетъ имъ глаза рукою. Прочіе располагаются вокругъ нихъ, поютъ пѣсенку (см. ниже) и идутъ въ тактъ пѣсни. При послѣднемъ словѣ «ухъ!» всѣ разбѣгаются въ стороны, а стоящій по срединѣ бросаетъ мячомъ въ кого-нибудь изъ бѣгущихъ. Задѣтый мячомъ становится на его мѣсто. Въ случаѣ промаха, игра начинается снова.

ПѢСЕНКА КЪ ИГРѢ.

Началась охота,
Жабы прыгъ въ болото!
Всполошились утки,
Видятъ—плохи шутки!
Зайцы на опушкѣ
Наострили ушки.
Волкъ со страху въ ямѣ
Щелкаетъ зубами.
Испугался самъ медвѣдь,
Приготовился ревѣть.
Вдругъ кому-то—хлопъ!—
Пуля прямо въ лобъ!
Ухъ!!

Н. Н. Новичъ.

НОТЫ КЪ ПѢСЕНКѢ.

ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

(Продолженіе).

На слѣдующій день, ровно въ шесть часовъ вечера, мы уже подходили ко дворцу Помаре. Множество женщинъ и мужчинъ гуляли по саду, окружавшему дворецъ, и нѣсколько одноконныхъ кабриолетовъ дожидалось у крыльца. Когда мы вошли во дворецъ, мы увидѣли въ той же залѣ, въ которой были и вчера, королеву Помаре, двухъ женщинъ и мистера Биди, игравшихъ въ карты. Помаре горячилась, мистеръ Биди выигрывалъ и былъ попрежнему серьезенъ.

Мы чинно усѣлись на обтертый диванъ и, держа въ рукахъ свои шляпы, молчали. Мы дожидались окончанія игры. Видя, что намъ не особенно весело, Помаре попросила насъ походить по саду и тамъ подождать, чѣмъ мы и воспользовались. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ окружили насъ и указывали на насъ пальцами. Мужчины были одѣты въ кисейныя сорочки и пестрый маро, точно юпка, обхватывавшій ихъ ноги. На женщинахъ были вѣнки изъ бѣлыхъ горденій, переплетенные желтыми четками, выточенными изъ кокосоваго дерева. Одѣты были женщины въ длинные капоты безъ талии, волочившіеся по пыли. Они шились изъ цвѣтной кисеи, сквозь которую просвѣчивалъ пестрый костюмъ въ родѣ подрясника.

Весь садъ былъ усаженъ мимозами и померанцами, между которыми пестрѣли массаи цвѣтовъ горденіи и гуавы. Высокія пальмы высились къверху и шелестили своими стрѣльчатыми листьями. Въ саду было тѣнисто и прохладно.

Эта обстановка, эти люди, одѣтые въ странные костюмы, этотъ бронзовый цвѣтъ лицъ, раскрашенныхъ синими полосами этотъ запахъ, густо наполнявшій атмосферу, все это такъ поражало меня, такимъ неестественнымъ казалось для меня въ то время, когда тамъ, наверху, въ Россіи, была суровая зима, что я считалъ все это сномъ.

Изъ-за куста амаранта къ намъ навстрѣчу вышли Теріа и Фаимана. Онѣ, держа въ рукахъ букеты розъ, ласково заговорили съ нами и стали водить насъ по саду и показывать намъ его чудеса. На одной изъ безчисленныхъ лавочекъ мы увидели Моэ. Хорошенькая фигурка ея сидѣла склонившись надъ землею. Она чертила зонтикомъ на пескѣ разные узоры. Когда мы подошли къ ней, она приподнялась и, взявъ Фаиману подъ руку, отправилась съ нами.

— А гдѣ же m-lle Ариетта? вѣжливо спросилъ у нея братъ.

— Вонъ она! отвѣчала по-гаитянски Моэ. Мы посмотрѣли по указан-

ному Моэ направленію и дѣйстви- тельно увидали Аріитею.

Она подошла къ намъ и всѣ мы пошли гулять по саду. На мостикѣ черезъ протекавшій по саду ручей, переливавшійся съ каскада на каскадъ, насъ встрѣтила служанка Помаре и пригласила садиться въ экипажи.

Въ саду началась суета. Я, Фаимана и Моэ какъ-то отстали отъ брата съ Аріитеей и Теріей. Когда мы подошли къ крыльцу, королева Помаре уже сидѣла въ кабриолетѣ, обмахиваясь вѣеромъ. Какъ разъ противъ нея сидѣлъ мистеръ Биди. Въ другомъ кабриолетѣ сидѣли братъ съ Аріитеей. Меня посадили съ Фаиманой и Моэ. Когда мы тронулись въ путь, цѣлая кавалькада всадниковъ послѣдовала за нами.

Около часу мы ѣхали по засѣян- нымъ полямъ. Вскорѣ поля смѣни- лись сахарнымъ тростникомъ. Про- ѣхавъ еще версты двѣ, мы вступили въ роскошную тѣнистую рощу съ усадьбой по срединѣ, выстроенной по-европейски. Съ обрыва, на кото- ромъ стояла усадьба, шла лѣстница къ бурливой рѣкѣ. Симпатичный ста- ричекъ съ длинными, падавшими ему на плечи волосами, держа за руку маленькаго мальчика, вышелъ къ намъ на встрѣчу. Двое слугъ выса- живали королеву изъ кабриолета. Я и братъ, изнемогая отъ жары, спу- стились съ лѣстницы и, сопровож- даемые Вильямомъ, внукомъ англи- чанина, тѣмъ самымъ мальчикомъ,

котораго мы видѣли на крыльцѣ, вошли въ купальню, сдѣланную изъ цыновокъ, и съ удовольствіемъ вы- купались въ ней. Послѣ купанья мы пили на чистомъ воздухѣ чай и ѣли фрукты, которыми насъ угощаль ан- гличанинъ. Изъ всѣхъ плодовъ мнѣ болѣе всего понравились мангустаны, сочные и душистые плоды, которыхъ я не ѣлъ съ самага Сингапура.

Пока «большіе» пили чай и ѣли фрукты, я и Вильямъ ходили по усадьбѣ. Вильямъ мнѣ показаль ко- нюшни, назвалъ каждую лошадь по имени. Потомъ онъ приказаль осѣд- лать двухъ ословъ. Сѣвъ на длинно- ухихъ животныхъ, мы поскакали по берегу рѣчки и, обогнувъ всю усадьбу, возвратились обратно. Вышедшій къ намъ кучеръ взялъ у насъ ословъ, а мы побѣжали къ дому.

Возвратились мы въ Папеити къ девяти часамъ.

Два дня спустя Моэ, невѣстка таи- тьянской королевы Помаре, печальная и разстроенная, возвращалась въ свои владѣнія на свой островъ, прогостивъ двѣ недѣли на Таити. Утирая платкомъ слезы, ручьями струившіяся по ея ще- камъ, она садилась уже въ кабрио- летъ, когда я и братъ входили во дворецъ. Мы пришли къ королевѣ съ тѣмъ, чтобы попросить у нея реко- мендаци, такъ какъ, уходя надолго въ горы и захвативъ съ собою все необходимое, мы нескоро думали воз- вратиться въ Папеити, а въ горахъ

— Кажется, клюетъ... Пора тащить!

— Ухъ, какую я рыбку отличную поймалъ!

— Баринъ, пожалуйста рыбу назадъ.
— Какую рыбу?
— Да эту самую! Въдь вы ее у меня стащили!
— Что ты мнѣ говоришь? Я ее собственными руками поймалъ на эту удочку, а ты хочешь ее присвоить? Нѣтъ, братъ, шалишь, не отдамъ!

никого не знали, кто-бы оказалъ намъ пріютъ.

Помаре точно обрадовалась нашему отъѣзду. Схвативъ за руку брата, она стала просить его проводить Моэ до селенія Мара, которое было на пути въ округъ Папеурири, куда именно мы и направляли свой путь.

Братъ, разумѣется, охотно согласился.

Быстро былъ поданъ новый кабріолетъ, запряженный парой лошадей. Моэ, братъ и я, съ массой узелковъ, размѣстились въ экипажѣ, бичъ щелкнулъ, и мы понеслись по обсаженнымъ улицамъ Папеити.

Выѣхавъ изъ города, мы отправились по тому-же самому пути, по которому ѣхали и раньше. Черезъ часъ мы промчались мимо сахарной плантаціи знакомаго намъ англичанина и катили уже по берегу рѣки, текущей въ очень живописномъ ущельѣ. Переѣхавъ ее въ бродъ, мы вступили почти въ сказочный лѣсъ. Цвѣтушіе гуавы, апельсины, отягченные прекрасными оранжевыми плодами, хлѣбныя деревья, все это перемѣшивалось другъ съ другомъ, переплетаясь лианами и чужеядными растеніями, и испускало прекрасный запахъ, изрѣдка заглушаемый запахомъ камфоры. Голубыя ящерицы перебѣгали черезъ дорогу и черныя бабочки съ фіолетовыми пятнами на крыльяхъ, похожими на глаза, рѣяли надъ цвѣтами. Масса насѣкомыхъ трещала въ кустахъ, и все это иногда дополнялось глухимъ паденіемъ перезрѣлаго апель-

сина, лимона или мангустана, сорвавшегося съ вѣтки и разбившагося о дорогу.

Въ лѣсу мы вышли изъ экипажа и пошли по травѣ, а сзади насъ поѣхалъ нашъ кабріолетъ. Братъ взялъ подъ руку Моэ и сталъ тихонько разговаривать съ нею. Она говорила на ломанномъ французскомъ языкѣ и иногда отвѣчала таитянскими словами. Она шла съ заплаканными глазами, потому что сегодня исполнилось ровно полгода со дня кончины ея единственной дочери, по имени тоже Помаре, любимицы и внучки престарѣлой королевы Помаре. Вся въ слезахъ, она вынула изъ кармана маленькій рисованный красками миниатюръ покойной и мы увидели дѣвочку съ черными глазками и капризнымъ выраженіемъ лица. Затѣмъ она закашлялась и сѣла на траву. Братъ приподнял ее, посадилъ въ экипажъ, и мы поскакали.

Дорога круто пошла въ гору и кучеръ попросилъ насъ слѣзть, я и братъ исполнили его желаніе и пошли по бокамъ экипажа, стараясь разговорами занять Моэ. Братъ рассказывалъ ей про Россію, а я, нарвавъ букетъ изъ померанцевъ, датуръ и гарденій, запыхавшись, подбѣжалъ къ кабріолету и преподнесъ его Моэ. Она ласково улыбнулась мнѣ и, схвативъ изъ моихъ рукъ букетъ, жадно стала вдыхать его аромать.

Далѣе дорога шла по краю обрыва, на дно котораго бѣлымъ снопомъ срывался сверху ручей. Отъ ручья

часа два поднимались мы на гору через пальмовый лѣсъ и къ тремъ часамъ прѣхали къ селенію, цѣликомъ утопавшему въ зелени. Здѣсь мы остановились приваломъ и вошли въ одну изъ хижинъ.

Въ то время какъ кучеръ распрягалъ лошадей, радушные хозяева не знали чѣмъ насъ угостить. Жареный въ камняхъ поросенокъ, кокосовые орѣхи и разныя печенія покрывали разостланный на травѣ коверъ, на которомъ расположилась наша компанія. Пока мы ѣли, три дѣвочки, въ легкихъ кисейныхъ платьяхъ, сѣли около насъ на траву и стали пѣть намъ свои пѣсни. Словъ я, разумѣется, не понималъ.

Отъ этого селенія мы поѣхали дальше. Мнѣ и брату пришлось высаживаться снова: дорога шла по деревянному мосту, наведенному черезъ очень быструю рѣку, а потомъ круто поднималась вверхъ по обрывистому берегу. Часа полтора мы взбирались на гору и только тамъ, гдѣ дорога пошла по крутому обрыву, съ котораго срывался въ наполненную водой пропасть водопадъ, намъ позволили сѣсть. А какой чудный видъ открывался намъ отсюда, какія прекрасныя растенія окружали водопадъ! Вечернее солнце играло въ брызгахъ водопада четырьмя радугами... Ліаны переплетали деревья и громадныя папоротники качались надъ обрывомъ. Когда поили лошадей, я вылѣзъ изъ экипажа и, отойдя немного въ сторону, среди кактусовъ, алоэ, фигъ и

обремененныхъ большими розовыми цвѣтами олеандровъ, увидалъ дерево, не похожее на другія. Я позвалъ брата и показалъ ему удивившую меня вещь... Нѣсколько деревьевъ переплетались вмѣстѣ своими стволами, образуя одну общую вершину, усѣянную разнообразными листьями, цвѣтами и плодами. Стволы срослись между собою и нѣсколько деревьевъ можно было принять за одно.

Напивъ лошадей, мы отправились дальше, и часъ спустя уже подѣзжали къ селенію Мара, уютно прилѣпившемуся къ скалѣ. Здѣсь намъ предстояло разстаться съ Моэ и продолжать свой путь далѣе въ горы, а Моэ должна была ѣхать въ Атимахоно, и уже оттуда на корабль къ себѣ на островъ.

Въ селеніи на насъ спустилась нѣжная таитянская ночь. Среди мрака и тишины на насъ смотрѣло небо, усѣянное невѣдомыми намъ звѣздами, и благоуханіе растеній окружало насъ. Ничто не шевелилось и не летало въ глубокой тѣни деревьевъ. Лишь изрѣдка нарушалась тишина стрекотаніемъ кузнечика, да паденіемъ перезрѣлаго плода...

О, Таити!.. Еслибы хоть тысячную долю твоихъ красотъ, со всѣми твоими странностями и чудесами, перенести въ Россію!.. Какой чудный уголокъ былъ бы тогда у насъ...

Рано утромъ, позавтракавъ все тѣмъ же поросенкомъ и тѣми же кокосовыми орѣхами, и простившись съ

Моэ, мы отправились въ путь, пригласивъ въ проводники нашего хозяина. Онъ охотно согласился и повелъ насъ по узкой скользкой тропѣ, поднимавшейся въ гору. Цѣлый часъ ползли мы по ней, и вдругъ, повернувъ направо, увидали океанъ... Чтò за чудная картина разстилалась подъ нашими ногами! Весь островъ какъ на ладони. Надъ нами высились вершины горъ и чернѣли пропасти и провалы... Кругомъ острова голубой океанъ, едва замѣтною линіей сливающийся съ небомъ и эта линія стоитъ почти наравнѣ съ вершинами горъ. Кругомъ, по океану, кольцо пальмъ. А тамъ, далеко-далеко на горизонтѣ виднѣются какіе-то острова... А почти рядомъ возвышается громада горы Фатауа, остроконечною вершиною стремящаяся къ небу.

Издадека слышался шумъ водопада. Мы отправились на этотъ шумъ. Взобравшись еще выше, мы увидали громадный водопадъ, срывавшійся съ горы въ глубокую пропасть съ высоты полутора саженъ. Ручей, прежде чѣмъ спадать въ нее, образовывалъ нѣсколько бассейновъ, бѣжалъ по камнямъ среди гуавъ и катилъ на днѣ спѣлые плоды, попадавшіе въ него съ нависшихъ надъ водой померанцевъ. А какая растительность сопровождала ручей! Мимозы, амаранты, гуавы, папоротники, бананы, мангустаны, акаціи, тамаринды, алоэ, все это перемѣшивалось вмѣстѣ, художественно лѣпилось по уступамъ горъ и издавало прекраснѣйшій запахъ.

Быстро скинувъ съ себя платье, мы бросились въ бассейнъ и выкупались на славу. Выйдя изъ воды и отыскавъ удобное мѣстечко, мы сдѣлали привалъ и вынули пирожки. Высокій туземецъ, нашъ проводникъ, стоялъ около насъ и изъ вѣжливости смотрѣлъ въ сторону.

— Присаживайтесь, крикнулъ ему братъ на родномъ его языкѣ и указалъ ему мѣсто около себя.

Туземецъ улыбнулся, тотчасъ же сѣлъ по-турецки и сталъ одинъ за другимъ уплетать пирожки. Послѣ завтрака онъ вдругъ исчезъ и возвратился со спѣлыми сочными плодами мангустана, которые мы и сѣли съ аппетитомъ.

Отсюда мы отправились въ горы и только къ вечеру совершенно усталые возвратились къ водопаду. Раздавшіеся изъ-за зелени женскіе голоса и плескъ воды заставили насъ отойти подальше.

Въ нашемъ бассейнѣ кто-то купался...

Цѣлыя двѣ недѣли прожили мы у нашего проводника Туанахаиру въ селеніи Мара. Чего-чего только мы не видали въ это время, чѣмъ только не угощались насъ нашъ проводникъ! Цѣлые дни мы проводили въ горахъ и лѣсахъ, слушали туземную музыку и учились сами играть и увлекались прелестнымъ пѣніемъ, разученнымъ дѣвочками Мара. Два раза всходили на гору Орохену и любовались открывавшимся оттуда видомъ; два раза

насъ заставляла буря въ горахъ и сильно пугала.

Въ бытность свою въ Мара, мы убѣдились, что характеръ таитянь похожъ на дѣтскій; они такъ же восхищаются бездѣлицами, какъ и дѣти, такъ же какъ и дѣти, они и сердятся безъ причины; по ихъ понятіямъ, по ночамъ на Таити спускаются духи «Тупапагу» — отверженныя души, которыя мучатся и страдаютъ и свои мученія выражаютъ въ шелестѣ пальмовыхъ листьевъ и въ завываніи вѣтровъ. Въ этой деревнѣ мы видѣли и обрядъ татуирования. Татуируемый ложится на спину и закрываетъ глаза; производящій эту операцію чело-вѣкъ стеклянною трубочкой, наполненною краской и заостренною съ одного конца, нарѣзываетъ ему на тѣлѣ канавки. Синяя краска, протекая черезъ остріе, наполняетъ канавки и засыхаетъ въ нихъ; вскорѣ канавки заживаютъ, и узоръ на тѣлѣ остается навсегда; татуируютъ обыкновенно ноги, руки, лобъ и верхнюю губу.

Посѣтили мы и озеро Вахирію, которое внушаетъ туземцамъ суевѣрный страхъ: здѣсь по ночамъ всѣ «тупапагу» собираются вмѣстѣ и держатъ совѣтъ; дрожа отъ страха, нашъ Туанахаиру велъ насъ къ нему; дорога была тяжела и, сверхъ всякаго ожиданія, нескончаема. Выйдя рано утромъ, мы пришли къ озеру только съ закатомъ солнца. Когда мы подходили къ нему, мы были поражены тою сумрачностью, которая

его окружала; дикіе, еле доступные берега, отсутствіе всякой растительности, кромѣ какой-то породы пальмъ, опавшіе листья которыхъ, точно яичная скорлупа, хрустѣли подъ ногами, наконецъ, отсутствіе рыбъ и насѣкомыхъ, все это не даромъ заняло мѣсто въ воображеніи Маорисовъ, какъ мѣстопробываніе злыхъ духовъ; вокругъ озера мы не нашли ни одной деревни: пришлось переночевать, къ немалому ужасу Туанахаиру, подъ открытымъ небомъ.

Отъ озера Вахиріи, переваливъ черезъ какой-то горный хребетъ и употребивъ на прогулку цѣлые два дня, мы пришли къ полуострову Таравао и тѣмъ вознаградили себя за потраченные труды. Никогда въ жизни своей я не видалъ прелестнѣе этого уголка; глубокое море плескалось у береговъ, громаднѣйшіе померанцы шелестѣли надъ головой и обсыпали насъ цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ и плодовъ, подъ ними, утопая въ кустахъ, ютились хижины, пахнувшія лимономъ, а тамъ далеко-далеко на горизонтѣ темнѣлъ легкій дымокъ парохода...

На Таравао мы впервые услышали легенду о лунѣ и ея непослушныхъ дѣтяхъ; когда ее рассказывали намъ, то нашъ Туанахаиру отъ страха что-то шепталъ; содержаніе этой легенды таково: въ незапамятныя времена по небу шла луна, а за нею слѣдовали ея дѣти, такія же планеты, какъ и она; когда эти дѣти немного подросли, они перестали слѣ-

довать за свою матерью и задумали побѣгъ; убѣгая, они споткнулись и попадали въ океанъ и сдѣлались изъ нихъ острова Таити, Томогу, Бора-Бора и Самоа; долго искала луна своихъ дѣтей и, не найдя ихъ, отъ горя закрылась чернымъ платкомъ, лишь въ мѣсяцъ разъ показываясь на Таити во всей своей красѣ, потому что только въ мѣсяцъ разъ она въ этихъ островахъ узнаетъ своихъ дѣтей.

Пробывъ на Таравао трое сутокъ, мы перешли на мысъ Фааха. Стоя на

пустынномъ берегу мыса, мы прислушивались къ унылому прибою волнъ о коралловые рифы и видѣли полчища краббовъ, съ шумомъ ходившихъ между камней. Препротивная картина!

На другой день утромъ, отпустивъ своего проводника, мы вышли въ путь и, оборванные и усталые, къ вечеру кое-какъ доплелись до Папеити. На корабль насъ встрѣтила наша «уистити» и на радостяхъ прокривлялась цѣлые два часа.

М. Б—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗИКИ.

Какой-то король объявилъ по всему своему королевству, что тотъ, кто скажетъ ему совершенно невѣроятное, получить отъ него въ подарокъ слитокъ золота.

— Я взлеталъ на небо, сказалъ ему одинъ изъ его подданныхъ.

— Это можетъ быть, отвѣтилъ король,—если не теперь, то когда умрешь.

— Я одинъ побѣдилъ цѣлое войско, сказалъ другой.

— И это можетъ быть, отвѣтилъ король,—если это войско трусливо.

И такъ всѣ уходили отъ него ни съ чѣмъ. Но вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и притащилъ на плечахъ цѣлую пустую бочку.

— Ваше величество, сказалъ онъ—Вашъ отецъ взялъ займы у моего отца вотъ эту полную бочку

золотыхъ монетъ, и сказавъ, что его долгъ вы отдадите мнѣ.

— Это чепуха, отвѣтилъ король.— Невозможно, чтобы мой отецъ бралъ займы у кого-нибудь деньги: онъ былъ богатъ и гордъ.

— Въ такомъ случаѣ, если я сказалъ нѣчто невозможное, то потрудитесь выдать мнѣ слитокъ золота, а если я сказалъ возможное, то прикажите вашему казначею отдать мнѣ долгъ вашего отца.

Одинъ хорошо одѣтый господинъ, повидимому болѣе богатый, чѣмъ воспитанный, вошелъ въ вагонъ желѣзной дороги. Въ вагонѣ этомъ сидѣлъ уже старичекъ, который снялъ съ себя шляпу и положилъ ее сбоку себя.

Вошедшій въ вагонъ господинъ, вмѣсто того, чтобы спросить, чья

это шляпа и не занято ли это мѣсто для кого-нибудь другого, грубо сѣлъ на нее и раздавилъ ее въ лепешку. Старичекъ спокойно улынулся и не сказалъ ничего.

На слѣдующей станціи грубый пассажиръ вышелъ.

Старичекъ вскочилъ и сталъ звать къ себѣ кондуктора.

— Пожалуйста, верните этого господина, обратился онъ къ нему.— Онъ здѣсь кое-что оставилъ.

— Что я здѣсь оставилъ? спросилъ вдругъ господинъ, услышавшій этотъ разговоръ.

— Очень неприятное послѣ себя впечатлѣніе! отвѣтилъ ему старичекъ.

И господину стало стыдно.

ЧЕГО ЕЩЕ ЖЕЛАТЬ.

Имѣешь ротъ ты и два уха,
Чего еще тебѣ желать?
Тебѣ доступно все для слуха,
Чего нельзя и рассказать.

Имѣешь ротъ ты и два глаза.
Чего еще тебѣ желать?

Ты можешь столько видѣть сразу,
Что послѣ въ годъ не рассказать.

Имѣешь двѣ руки, и ротъ ты,
Чего еще тебѣ желать?

Руки двѣ даны для работы,
А ротъ — работу поѣдать.

Л.

КАКЪ ДѢЛАТЬ БИСКВИТЪ.

Попросите у мамы 5 яицъ, $\frac{1}{4}$ фунта мелкаго сахару, $\frac{1}{8}$ фунта муки пшеничной, $\frac{1}{8}$ фунта муки картофельной и лимонную корку съ половинки лимона.

Разбейте яйца и положите желтки въ одну посуду, а бѣлки въ другую отдѣльно. Всыпьте въ желтки весь сахаръ и начните его растирать до тѣхъ поръ, пока желтки не побѣлѣютъ и сахаръ перестанетъ подъ ложкой скрипѣть. Лимонную корку изрѣжьте такъ мелко, какъ только возможно (мельче, чѣмъ самая мелкая лапша) и всыпьте въ желтки съ сахаромъ. Разотрите вновь. Послѣ

этого смѣшайте вмѣстѣ обѣ муки и всыпьте ихъ осторожно, не сразу, въ желтки. Разотрите въ тѣсто. Получится желтая масса. Отставьте ее въ сторону и займитесь бѣлками.

Возьмите вилку, вѣничекъ или взбивалку и начните взбивать бѣлки. Взбивайте ихъ до тѣхъ поръ, пока бѣлки не превратятся до самаго дна въ мыльную пѣну. Взбивать надо съ терпѣніемъ и въ одну сторону.

Какъ только бѣлки будутъ взбиты, смѣшайте ихъ съ тѣстомъ изъ муки и желтковъ. Хорошенько промѣшайте. Должно получиться желтоватое, блестящее тѣсто.

Возьмите тогда форму, плоску или глубокой сотейникъ, даже кострюльку. Обмажьте стѣнки ихъ масломъ и обсыпьте поверхъ масла картофельной мукой.

Послѣ этого выложите туда тѣсто, но не доверху, а только на $\frac{3}{4}$ вышины формы, и поручите кухаркѣ поставить для печенія въ духовой шкафѣ, на средній жаръ. Бисквитъ долженъ подняться.

Если бисквитъ хорошо отстаетъ отъ стѣнокъ формы и если воткнутая въ него палочка остается сухой, то это значитъ, что онъ готовъ. Пора его вынимать.

Какъ только бисквитъ вынуть и остылъ, его можно полить сиропомъ отъ какого-нибудь варенья и подавать.

Очень вкусно.

Загадка № 2. Какое животное ѣстъ мясо, падалъ, хлѣбъ, не любитъ ѣстъ сырыхъ овощей и травъ, пьетъ лакая, бѣгаетъ немножко бочкомъ,

обладаетъ прекраснымъ чутьемъ, любить знакомиться съ себѣ подобными, никогда не потѣетъ, любить высовывать языкъ, виляетъ отъ удовольствія хвостомъ, почти всегда попрошайничаетъ, не прочь поспать и передъ плохой погодой не хорошо пахнетъ? Животное это бываетъ и большое и маленькое, и злое и ласковое, и бѣлое и черное, и голое и съ шерстью, и съ хвостомъ и безъ хвоста. Его любятъ христіане и презираютъ магометане.

АРИѠМОГРАФЪ № 1.

Слово состоитъ изъ шести буквъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. 2. 3. 4. 5. 6.

и означаетъ домашнюю птицу.

Если взять буквы 3. 6. 1, то получится рѣчное животное. Буквы 5. 4. 3. 1 означаютъ то мѣсто, гдѣ прыгаютъ клоуны; буквы 3. 2. 1. 6 — часть тѣла, а буквы 1. 4. 3. 1. 6 — нѣмецкую перковь.

Угадать,какая это домашняя птица?

РЕБУСЪ № 2.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Вѣрно рѣшили шараду № 1 и ребусъ № 1: Н. Скородумовъ въ Спб., Миша Анисимовъ въ Спб., Н. Невскій въ Спб., Моргенъ въ Ярославль, Андрушкевичъ въ Спб., Коля Петропавловскій въ Серебрянскѣ, Н. Фирманъ въ Спб., Валя Андреева въ Феодосіи, Лидія Ландманъ въ Архангельскѣ, В. Левитскій въ Конотопѣ, Володя Орловъ въ Одессѣ, Боря Гельцеръ въ Кіевѣ, Миша Косаткинъ въ Спб., Сережа и Коля Копытько въ Екатеринославѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Митѣ Полковникову Спб. Слоны и попугаи могутъ пережить цѣлыя поколѣнія, но, конечно, умираютъ во всякомъ возрастѣ: и молодыми, и старыми, подобно тому какъ и человѣкъ можетъ прожить до 150 лѣтъ, но умираетъ во всякомъ возрастѣ.